

«Человек, который придет из главного дома, - доктор, учившийся в знаменитом университете Ганц. Он поможет решить вашу дальнейшую судьбу. Это лучшее, что я могу предложить как ваш отец».

По правде говоря, это было огромное соображение. Было немало случаев, когда сыновей без всяких обсуждений отправляли далеко в монастыри.

Но Вильтер и Рикардт не выглядели особенно счастливыми. Это было вполне объяснимо. Рикардт, как обычно, выглядел рассеянным, думая на свои озябшие руки.

Увидев Рикардта в таком состоянии, Абелих мягко улыбнулся. Затем он ласково погладил его по голове.

«Дай-ка я тебя обниму. Билли, иди сюда тоже».

«Что?»

Абелих притянул двух своих смущенных сыновей к себе в плащ, чтобы обнять. Сыновья чувствовали себя неловко и растерянно, но они определенно ощущали тепло. Оно отличалось от объятий их матери.

Через некоторое время Абелих расстегнул плащ и накинул его на двух сыновей. Теперь Вильтер и Рикардт выглядели как милое двухголовое чудовище в одном теле.

Абелих сел на ближайший камень и оглянулся на замерзший пруд.

«Впервые я отправился в бой, когда мне было четырнадцать. Я последовал за отцом и братом. Тогда было так же холодно, как и сейчас. Нам поручили возглавить небольшое число воинов, которые должны были совершить важный фланговый маневр и нанести удар по врагу. Когда мы проходили через лес, в нас внезапно полетели стрелы. Когда я пришел в себя, то уже

убежал далеко-далеко. Мне было так стыдно, что я вернулся на поле боя. Повсюду были разбросаны раненные солдаты и трупы. Потом я увидел, как мой отец несет моего брата, у которого из шеи текла кровь».

Абелих поделился личной историей со своими двумя сыновьями, чего раньше никогда не делал. Слушая ее, дрожа от холода, они испытывали странное чувство. Их сердца учащенно забились, и они почувствовали себя обремененными.

Их отец, который всегда выглядел уверенным и безразличным в присутствии других, сейчас казался каким-то сжавшимся.

«Ты трус. Твой брат погиб из-за тебя. Слушай внимательно, что я тебе скажу. С этого момента я буду мстить. Ты должен сделать все возможное, чтобы вернуть тела и продолжить род. Я буду ждать в загробном мире... Это были последние слова моего отца, обращенные ко мне».

Абелих опустил голову, возможно, потому, что одна только мысль об этом вызывала у него чувство стыда.

Хотя бегство с поля боя действительно было неправильным, эти слова были невероятно жестокими. Их было достаточно, чтобы мучить его всю жизнь.

Сколько людей могут спокойно встретить смерть? Особенно в своем первом бою.

Но даже в этом случае нужно не отступать, а сражаться. По крайней мере, нужно стоять на своем. Вот почему соблюдение дворянской чести было столь суровой задачей.

Как бы то ни было, Вильтеру было трудно даже дышать в этой тяжелой атмосфере. Он был еще слишком молод, чтобы полностью понять своего отца, поэтому просто слушал.

«Билли, Рики. Пообещайте мне одну вещь».

Абелих оглянулся на двух своих сыновей и произнес.

«Если у вас есть какая-то обида, направьте ее на меня. Не обижайтесь на своего брата».

Учитывая настроение, им ничего не оставалось, как пообещать, даже если они этого не хотели. Однако не было ощущения, что они выполняют приказ, как обычно.

«Да, я понимаю. Я обещаю, отец».

Вильтер ответил первым с серьезным выражением лица.

Когда Абелих посмотрел на Рикардта, тот закатил свои большие глаза с красными щеками и ответил.

«Я не буду на вас обижаться. Ни на тебя, ни на отца, ни на брата. У меня никогда не будет для этого повода. Даже если в обещании нет нужды, если мое маленькое обещание необходимо, я пообещаю столько, сколько тебе нужно».

Абелих снова мягко улыбнулся и протянул руку, чтобы погладить сыновей по голове.

«Я не так искусен в бою, как мой отец, и уступал брату во всех отношениях. Но я сделал все возможное, чтобы не опозорить свою семью. Я старался изо всех сил всю свою жизнь. После первой битвы я больше не бежал с поля боя и всегда сражался на фронте. Правда, я не был храбрым, я всегда был озабоченным. Возможно, вы сейчас не понимаете, но унаследовать поместье - не самое лучшее дело».

Понимали они или нет, но сам факт того, что отец поделился с ними этим, тронул их. Нет, очень тронул.

Однако Рикардт, казалось, на мгновение погрузился в раздумья, прежде чем заговорить с отцом.

«У каждого человека бывает время, когда он становится трусом. Главное, когда ты понимаешь, что ты трус, то, что ты решаешь делать дальше, определяет, станешь ли ты храбрым человеком или останешься трусом. Отец, ты определенно храбрый рыцарь. Дедушка гордился бы тобой. Вероятно, он произнес эти слова в самый разгар событий. Так что не держись за это слишком сильно».

Глаза Абелиха расширились, когда он выслушал слова своего младшего сына. Он знал, что Рикардт необыкновенный ребенок, но не подозревал, насколько глубоким было его понимание.

«Эй, не болтай без умолку».

Вильтер отчитал Рикардта, чувствуя себя неловко.

«Я перегнул палку?»

«Нет, все в порядке. Рики прав. Да... я надеюсь на это».

Словно решив, что сегодня он будет добр к двум своим сыновьям, несмотря ни на что, Абелих лишь спокойно улыбнулся.

Сегодня он действительно чувствовал себя отцом, обращаясь к сыновьям, оставив в стороне роли патриарха, лорда и главы семьи.

«Билли, ты быстро все понимаешь, но так же быстро тебе становится скучно. Если ты воспитаешь в себе настойчивость и терпение, то сможешь достичь всего, к чему стремишься».

Вильтер впервые услышал от отца похвалу. Он думал, что отец не интересуется им, но понял, что Абелих все это время наблюдал за ним. Вильтер почувствовал непреодолимую радость.

Затем Абелих перевел взгляд на Рикардта. После минутного молчаливого наблюдения он произнес.

«Рики, ты, несомненно, необычный. Возможно, ты не просто талантлив, а поистине редкий гений. Однако это меня беспокоит. Я видел много случаев, когда чрезмерный талант становился проклятием. Тебе не нужно быть скромным, но ты должен избегать высокомерия. Так ты сможешь возвысить имя нашей семьи и спасти себя. Кто знает? Возможно, ты даже создашь новую родословную, как наш предок, рыцарь-герой Кальдеберт. Если это случится, я буду очень счастлив».

«Возвысить имя семьи, ты имеешь в виду, что я должен достичь военных заслуг?»

«Нет. Это значит, что нужно поступать благородно во всем, что ты делаешь. Не лги, поступай честно и держись подальше от несправедливости. Кто-то может назвать это глупостью, но это путь, который осветит и твою честь, и честь нашей семьи».

Рикардт на мгновение задумался, а затем ответил.

«Звучит просто. Я все равно не умею лгать».

«Эй, хватит валять дурака».

сказал Вильтер, нахмурившись. Но беспокоиться не стоило, так как Абелих просто от души рассмеялся.

«Хахаха! Это точно. Я никогда не видел, чтобы ты врал, Рики. Хахаха!»

То, что их отец так искренне смеялся, удивило и восхитило Вильтера и Рикардта. Они впервые видели, как он смеется так открыто. Их отец тоже умел так ярко смеяться.

От души посмеявшись, Абелих встал и вместе с двумя сыновьями отправился обратно в особняк. Они последовали за ним, взяв с собой отцовский плащ.

С этого дня Абелих относился к Вильтеру и Рикардту с искренней теплотой. Граут и его жена тоже относились к ним по-доброму.

Словно последний кусочек головоломки встал на свое место. Вильтер и Рикардт искренне молились о том, чтобы их племянник вырос здоровым и сильным.

Могло показаться, что с ними обращаются ласково в последний раз, как с больными неизлечимой болезнью, но это было все же лучше, чем ничего. Многие семьи безжалостно изгнали бы их.

Возможно, совершенство относительно. По крайней мере, Рикардт считал, что у него были идеальные родители и братья. И, конечно, его невестка и племянник тоже.

Возможно, потому, что его предыдущая жизнь была наполнена тьмой, Рикардт умел дорожить даже самым маленьким светом.

Этим светом были забота, воспоминания и любовь, которые он получал от своей семьи. Они были подобны звездам на ночном небе, на которые он бесконечно смотрел во времена своей пастушеской жизни.

Огонь, сталь, кровь и смерть. Вместо них тепло материнских объятий, связь между братьями и признание отца сияли в сердце Рикардта, как звезды.